3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 22

СМЕХАЧ

АВГУСТ 1925

Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-43-78, конт. тел. 1-68-6

Цена 25 коп

ГЕРМАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СССР

Рис. Б. Антоновского

— Как у вас все длинно: рейхсканцлер Лютер отбыл во Франкфурт-на-Одере... У нас, брат, куда короче: Калиныч поехал в Тамбов!

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПРИМЕРА

Несмотря на усиленную пропаганду физкультуры, вовлеченной оказывается почти исключительно молодежь...

Физкультура! Крепость тела!
На поверку вышло что-ж?
Физкультуры захотела
Только наша молодежь.
А рабочего с насесту
Снять захочешь... Нет! Куда!
— Мне мол прыганье не к месту:
Глянь-ка—видишь: борода?
Ты других зови, Емеля,
С косогора кувырком:
Я, брат, с прошлого апреля—
Понимаешь?—предместком.
Физкультура, хоть известно,
В одобрении большом—
Но должон сознаться честно:
Предместкому-то—уместно—
По площадке—нагишом?

Ну-с, дабы своим примером
Этих скептиков увлечь,
Мы прибегли к резким мерам,
А к каким—об этом речь:
Срезаем бороды, сбриваем усики,
Надеваем трусики,
И едем—сборы не долги
И разговоры не при чем—
Всем „Смехачом"
По Волге.
Открываем коллективное шествие:
Всё увидим, запишем, отметим...
Читайте наше путешествие
В №-е 23-ем!

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Крестьянин Минин в Новгородской губ. изобрел борону-плуг. Машина снабжена рамой с барабаном и зубьями, разрыхляющими землю. Специалисты о бороне-плуге дали лучшие отзывы.

Рис. Юнгера

— Проваливай! Проваливай, чорт! Нечего тут! Минин, по крайности, борону-плуг изобрел, а от тебе какая трудящему елементу польза?

КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ

Товарищ лектор, в чем цель жизни?
Г. Шенбели-

На эстраду провинициального клуба вылез громадный, небритый человек в зловещем фраке.

Он громко откашлялся и затем сиплым шопотом спросил:

— А где же акомпаниатор?

— Помилуйте, товарищ лектор,—встревожился Саша—лекция ведь. Самогон ведь. И борьба с ним. Какая же может быть тут музыка?

— Лекция? Гм... А может быть, спеть, все таки, что нибудь, а? Из Демона, а?

— Хе-хе. Лекция ведь.

— А я, ей богу, лучше спою. Чесс... слов... Этакое что-нибудь...

Н... на земле весь р--р—род людской
Ча-тит адин кум—м—мир свящ... е—э—е—э...

Саша побледнел.

— Что вы, что вы! лекция ведь. Самогон ведь и, так сказать, борьба. Так у нас и на афише написано.

— Разве? Ну, ладно. Гм, гм.

Человек во фраке густо откашлялся, взялся руками за шею, мотнул головой и стал в позу.

Председатель позвонил.

— Товарищи, призываю вас к порядку. Сейчас товарищ из центра будет докладать на тему о самогоне и так и далее. Тема очень важная в общественном смысле трудящих и которые, может, предпочитают танцы, то те могут покинуть аудиторию. Слозо предоставляется товарищу из центра.

Докладчик посмотрел вокруг голубоватыми глазами, качнулся и сказал:

— Товарищи! В этот грозный час, когда Республика Советов стонет перед кознями наемников мирового капитализма, мы не можем оставаться индиферентными. Все как один! Верно я говорю?

— Верно,—неодобрительно подтвердили из зала.

— Да, товарищи! Мы все, как один, должны встать на борьбу с самогоном. Тысячи людей пьют самогон, и тысячи людей отравляются ежедневно этим злостным ядом, который разрушает организм. Верно я говорю?

— И даже слепнут,—сказал из зала деловитый бабий голос.

— В... в... верно, гражданка! Оч-чень дельное замечание. Именно, слепнут. Бывает. И глохнут. Чессс... слово... Итак, товарищи, мы видим, что самогон—это страшный яд, который бич. А почему?

Докладчик обвел притихшую аудиторию грозным взглядом.

— А па-а-чему?

Он выдержал эффектную паузу и, в достаточной мере насладившись тишиной, повысил голос:

— А потому, дорогие товарищи, самогон приносит вред, что очищать его, как следует, до сих пор не научились. А что может быть проще—очистить самогон? Пара пустяков. На одно ведро самогона берется три фунта простой, обыкновенной, ничем не замечательной соли.

— Крупной или мелкой?—быстро спросили из зала.

— Лучше всего мелкой. Но, конечно, можно и крупной. Ну-с, затем насыпают эту соль в самогон, и сверху ведро прикрывают чем нибудь теплым. Одеялом, например.

— А подушкой, товарищ лектор, можно?

— Можно и подушкой. Даже подушкой лучше. Да, дорогие товарищи. Затем надо взять фунтов пять-шесть простой примитивной клюквы...

— Клюквы!—восторженно взвизгнула баба из третьего ряда, хлопая себя по бедрам.— Ах ты ж, боже ж мой! Клю-у-квы!

— Именно, клюквы,—торжествующе воскликнул лектор,—Обыкновенной что ни на есть клюквы, и варить вышеупомянутую клюкву на медленном огне, подмешивая туда квасцов, мелу, соды..!

— А квасцов-то много?

— А соды-то...

— Товарищ лектор, а какже ежели...

— Тише! Тише! Дайте слушать. Не напирайте. Квасцов-то много надо подмешивать?

В зрительном зале начался шум. Задние напирали на передних. Женщины пищали. На кафедру летели записки.

— Товарищи, не все сразу. Прошу по порядку. Вот тут поступила записка с вопросом: можно ли для крепости в самогон подмешивать перцу и табаку? Отвечаю: ка-а-а-нечно, нет! Перец и табак, подмешанные в самогон, действительно, создают впечатление крепости, но в действительности никакой крепости не увеличивают, а голова потом болит, как проклятая. Ну-с... И так я продолжаю. А когда, дорогие товарищи, клюква уварится и пустит сок, надо взять сито, простое наипримитивнейшее кухонное сито, которое...

Председатель побледнел.

— Товарищ докладчик, прошу держаться ближе к теме.

Публика заревела:

— Пущай выскажет! Просим, просим! Не мешай докладчику. Соды-то сколько? Мел толченый, аль куском? Да пущай еще раз про сито скажет.

Докладчик же, склонив голову и полузакрыв глаза, как соловей, который заслушался собственным голосом, продолжал говорить:

— Засим, дорогие мои товарищи, всю эту музыку надо протереть сквозь сито в сосуд...

— Сосут?! Ах, ты ж, боже ж мой, и уже сосут?А?

— Вот как здорово!

— ...В глиняный сосуд, в который перед этим положить...

Председатель схватился за голову и бросился за кулисы. Саша стоял, прислонившись холодным потным лбом к боковому софиту.

— Саша,—тоскливо провыл председатель—он деморализует аудиторию. И на доктора не похож. Может, ты ошибся, кого другого привез?.

— Ничего не ошибся,—глухо сказал Саша.—Сам в гостиницу ездил в номер восьмой.

Председатель затрясся.

— Восемнадцатый, а не восьмой! Зарезал! Тащи его с эстрады! Не восьмой, а восемнадцатый! Занавес! Занавес! Перепутал. В восьмом актер. Шляпа.

Саша судорожно задергивал занавес.

Но было уже поздно. Лектор стоял посередине зала, окруженный восторженной аудиторией и отвечал на записки.

Председатель припал к щелке занавеса. Минуту его лицо выражало отчаяние. В следующую минуту оно слегка прояснилось. Затем председатель озабоченно покачнулся и вдруг хриплым голосом крикнул в зал:

— Товарищ лектор! Ну, а как же, ежели, например, в закваску слишком много дрожжей положишь, а она и загустеет, подлая?..

И с этими словами ринулся в самую гущу любознательной аудитории.

Валент. Катаев

СТАРОЕ В НОВОМ

В управлении Октябрьской ж. д. приступлено к выяснению технической возможности установки на Октябрьском вокзале, в вестибюле и буфетных залах, громкоговорителей для оповещения публики о предстоящем отходе поездов.
(„Н. В. Г.". 97)

Рис. Ив. Малютина

— Батюшка громкоговоритель, скажи ты мне: на Клязьму в котором часе максимка отходит?... Молчит: и ответить-то не желает старому человеку!

ПРОКАТ

Мимо скамьи, на которой я сидел, прошмыгнул велосипедист, вихляя задом и бешено работая ногами.

Мой сосед, гражданин в серой толстовке, свирепо проворчал ему вслед:

— Катись-катись! Упер машину, небось... Сволочь полосатая!

Перехватив мой удивленный взгляд, он повернулся на скамье и сказал:

— Вы извините, гражданин, но не могу я, будучи пострадавшая жертва, спокойно и безгласно взирать на свои подло разбитые надежды. Или, например, вот это...

Он кивнул на окно дома в котором слышалась игра на рояле.

— Рояли эти, фортепьяны, пианины, чтоб им переломаться! Для граждан, наклонных к искусству, одно удовольствие послушать гаммы, а у меня—вот они где сидят—нож в спину! Взял бы, ей-богу, камень да и в окно! И еще вот—лодки. Видеть не могу, ежель лодка плывет, и в ней катающие... А почему, вы спросите? Потому что есть я раззорившийся до тла капиталист, пострадавший на этих подлых штуках.

Я заинтересовался и выслушал до конца печальную повесть капиталиста.

Вот что он рассказал.

— С дореволюции, гражданин, были у меня золотые вещицы. В подвале закопал. Когда настал неп, и нашему брату предпринимателю свобода вышла, я, конечно, зашевелился. Думаю, надо опять на ноги становиться. Озираюсь - оглядываюсь, с чего начинать. А жена говорит: слышно, говорит, рояли за ничто идут. Ежель накупить и пустить в прокат—верное дело.

Да—думаю—дело верное и хитрое: знай, денежки получай, без всяких хлопот-забот.

Купил я четыре штуки: две рояли, две пианины,—и в скорости по клиентам рассовал. Ладно. Хожу каждый месяц за деньгами—и горя мало.

Но только однажды являюсь к Втулкину на Захарьевской—за рояльчик получить: пятнадцать рублей брал с него, потому инструмент орехового дерева, не хуже буфета, и все ножки точеные в исправности.

— Нету, — говорят — Втулкина. Съехадши.

— Как, говорю, съехадши, ежель, у него моя музыка на прокате?! Неужто забрал с собой?!

— Нету,—говорят,—не забирал.

— Ну, слава богу,—говорю.

— Не забирал, потому перед отъездом продал.

— Караул!—говорю:—Грабеж среди дня! Кому-ж он продал?

— А неизвестно, кому. Дамочка приходила и с ней мужчина бритый.

Так и воротился я домой ни с чем. Обсудили мы с женой создавшее положение. Видим, плохо дело, кризис. Так, гляди, упрут все инструменты, нагишом пустят. Надо заблаговременно прикрыть лавочку.

Отобрали мы два инструмента, а третьего не поспели—примус на нем разорвался и сгорел окончательно со всем домом и даже с гражданином, который на прокат брал: так и не заплатил подлец за пол-месяца...

Подсчитали мы денежки—мало, думаем: на старость не хватит. Надо, думаем, опять на ноги становиться. С чего бы начать? А тут в-аккурат летний сезон, и граждане до лодок рвутся.

— Есть! — говорю: — Устроим лодочный прокат. Лодка — не рояль, огня не боится.

Ладно. Купил я полдюжины лодок, будочку на берегу сочинил и открыл навигацию. И что-же? В первый день такое ужасное разочарование! Двух лодок как не бывало: угнали подлецы.

— Стой, думаю, — без залога нельзя. Залог с катающего надо брать.

Стал я, гражданин, брать в залог польты, часы или, например, сапожки. Но тут что случилось? Поехал гражданин в моей лодке, а в залоге пальто лежит. Ждем назад—нету. А вскоре народ бежит, с милицией в авангарде.

— Утопла, — говорят,—ваша лодка, и гражданин утоп одновременно.

— Спасибо — говорю — хоть пальто оставил. Пальтишко ничего.

А за пальто уже милиционер вцепился! По карманам шарит и вынимает записку: „Растратил казенные суммы и кончаю жизнь самоубийством“.

— Извините,—говорит, — но должен я это пальто предоставить, как вещественное доказательство и во-вторых—на погашение растраты.

Я к себе тяну пальто—он—к себе. Конечно, власть перетянула, и остался я на-бобах.

В тот же день порешили мы с женой прикрыть навигацию: обидно, чтобы последние деньги уплыли.

Что же—думаем — теперь делать? Как становиться на ноги?

ПРЕДМЕТ РОСКОШИ

Рис. Л. Бродаты

Наркомфин включил шляпы в число предметов роскоши, подлежащих четырехкратномуо бложению.

— Начканц говорит, что нашего зава надо обкладывать по четыре раза подряд

— Что так?

— Шляпа!!

— Может, — говорю, — велосипеды прокатывать? Велосипеды, говорю, и огня, и воды не боятся.

А денег у нас хватило только-только на один велосипед со свободным ходом.

Все таки взяли. С одним, думаем, при свободном ходе и беспокойства немного. Однако же, и тут сорвалось.

Сидим мы с женой — жена залог держит, а я в оба глаза за клиентом наблюдаю, чтобы не спулил машины. Потому и залог дурацкий — часы медного золота, и ничего из одёжи. Какая ж нонче одежа: одна голая физкультура в трусиках.

Как вдруг, гляжу, гражданин с круговой дорожки в сторону подается.

— Стой! — кричу — Куда мою педаль вертишь?

А он — раз-раз! — приналег, поддал пару и исчез в сияньи голубого дня... Так и прокатывает вторую неделю...

— Стой!!!

Рассказчик вдруг вскочил со скамьи и, размахивая руками, бросился вдогонку за велосипедистом, проскользнувшим мимо нас.

— Он! Он самый! Держи его! Моя машина!.. Со свободным ходом!

Велосипедист пригнулся к рулю и увеличил скорость. Следом за ним бежал несчастный разоренный капиталист.

Да, братцы мои, — народ нынче ученый: не дает капиталисту свободного хода!

Ив. Прутков

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

Рис. А. Юнгера

— Хряй, Митька, в зеленную лавку! У людей лето, отдых, надо и нам среди зелени побыть.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ГРОМОВЕРЖЕЦ

Пом. Нач. 8 района Красноярской уездной милиции подписывал бумагу не читая. Подчиненные подсунули ему следующий документ:

„Начальнику Красноярской уездной РК милиции. Секретно.

Рапорт.

Доношу до вашего сведения, что сего числа, в 12 часов ночи, я со своей женой имел сношение, донося о сем, прошу приготовиться к крестинам.

П.п. начальник 8 района *Банковский*".

(„ПРАВДА").

Был он грозен, суровый Банковский,
С подчиненными был на ножах.
Потакать? Распускать? Не таковский —
Всю милицию в страхе держал!
О, не нужно лирической прыти,
Чтоб увидеть сквозь дальности мглу,
Что такое советский Юпитер
В отдаленном от центра углу!
Сам себе председатель он ВЦИКа,
Сам себе Совнаркома глава! —
Кругом ходит от львиного рыка
Распекаемая голова!..
Впрочем, нет. „Извиняюсь". Ходила! —
В наше время порядок другой:
Спит в могиле Кувшинное Рыло,
Что, холопствуя, гнулся дугой.
А на месте служаки-холопа
Ерш советский — задень-ка его! —
Всероссийски готовый отхлопать
Никого, не боясь ничего.
Он на рык ничего не ответит,
(Глупо в свору с животными лезть!).
Но служебную слабость подметит, —
И готова веселая месть:
Подмахнул громовержец бумажку,
По привычке не глядя, и вот —
Потянула бумажка бедняжку, —
Кувырком, кувырком, — в анекдот!..

В. Князев

САМОЛЮБИЕ

Злободневный рассказ

У Верблюдова много работы... Не даром он милицион:р, и притом не на каком-нибудь окраинном углу, а на самом, можно сказать, центральном. Вчера, от постоянного вынимания штрафной книжки, у Верблюдова чуть рука не отсохла.. А народ прямо дикий, сами на штраф так и прут! И не только люди, но и лошади; а вчерась некий гражданин даже корову на проспект под острым углом погнал. Вот как!

А сегодня был такой случай... Пестро одетая гражданка совершенно спокойно по мостовой гуляет. Верблюдов, раз! — и, книжкой помахивая, спрашивает у гражданки штраф. Она же наотрез от расплаты отказывается:

— Я замечталась! Притом же все ваши географии мне не знакомы. Это учитывать надо и простить!

Верблюдов же спокойно отвечает:

— Ежели кажного прощать, то, прости господи, на всех не напростишься! Платите!

Пестрая гражданка даже еще пестрее стала...

— Я — рабочая крестьянка, и нет у меня специальной штрафной зарплаты. А свои трудовые гроши я лучше в Мопродобр пожертвую, чем зря штрафоваться...

Неизвестно, до чего спор этот дошел-бы, как вдруг, другая гражданка улицу под безградусным углом перебегает и Верблюдова прямо за рукав хватает:

— Коля, напасть какая! У нас тюк с бельем с чердака воры только что унесли! А новая гражданка Верблюдовской женой была.

Посмотрел Верблюдов на жену и подумал:

— Как быть? Надо соседнему постовому сообщить! — А жене сказал:

— Успокойся, сейчас вот этую гражданку доштрафую и злоумышленник найдется... А пестрая гражданка довольно ехидно улыбается:

— Так что, гражданин-милиционер, вы и супругу свою со мной вместе заштрафуйте, потому, как и она уличное рабочее движение оскорбила. А нынче все равны! Дорога для всех одна!

Опешил Верблюдов... Во-первых, вора ловить надо! Во-вторых, гражданка очень нахальная, а в-третьих, жена у Верблюдова тоже особа популярная. Зря штрафоваться не даст! Однако, Верблюдов решил попробовать и сказал жене сурово:

— Что-же это ты, Катя, путей не разбираешь? Время-то боевое! Гони полтинник, вот что! — Услыхала это Верблюдовская жена и возмутилась до крайности.

— Обалдел! Совсем заштрафовался! Ты бы еще и себя оштрафовал за то, что вещи у нас уперли! Шапка у тебя форменная, и дурак ты, видно, форменный! Отпущай особу и пойдем вора искать!

Совет был дельный. Верблюдов обратился к гражданке:

— Так что, идите! Потому экстренный случай! Обвинение свое снимаю...

Но гражданка, видно, в детстве вольчих ягод нажралась, потому страсть ядовитая... Улыбнулась и говорит:

— Никуда я и не пойду! А штраф заплачу только тогда, когда и ваша супруга сликвидирует свою задолженность перед государственной властью. А не нравится — волоките нас обоих в отделение.

Подумал Верблюдов и видит, делать нечего. Повел и жену и чужую гражданку в отделение. А в отделении шум... Неизвестного товарища привели. Ругается он зверски, потому, говорит, какая же тут свобода личности, ежели любого штатского за ношение собственного белья на спине в милицию тащат? — Упирается ужасно!

Посмотрела Верблюдовская жена на тюк с бельем, что вместе со штатским товарищем в милицию доставили, и ахнула от восторга. Ейное белье! Все куски до единого!

Ну, конечно, отобрали его, вернули. А потом Верблюдовская жена к пестрой ехидной гражданке подходит и благодарное заявление делает.

— Спасибо, что вы моего-то уговорили в отделение иттить, а то бы вора никогда и не признали.

А пестрая гражданка в ответ:

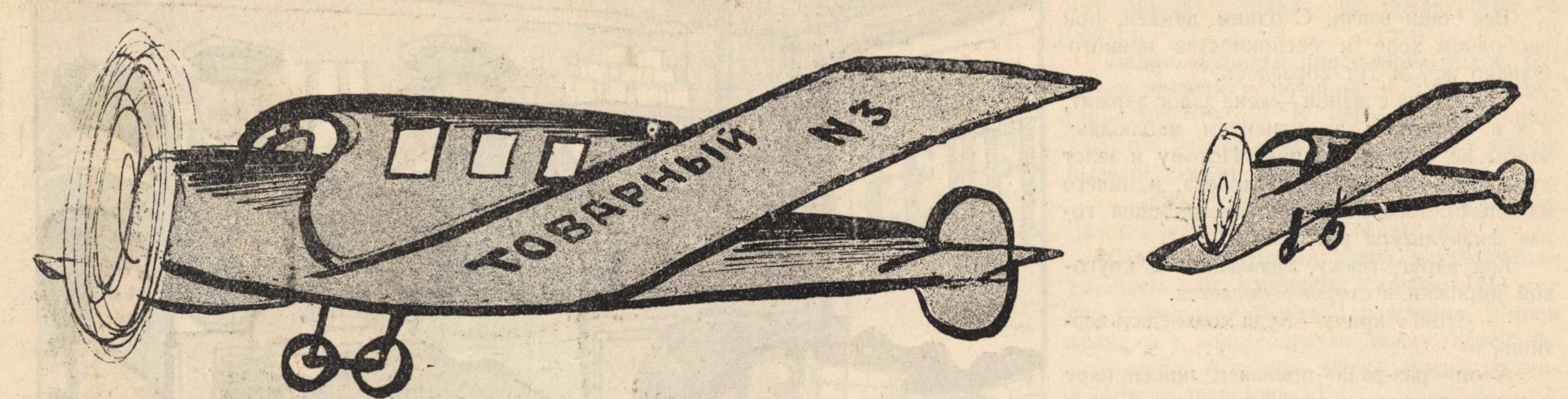
— Не благодарите, потому не я ваши вещи крала! Мне ни к чему! Я, главное, за порядок стою! Чтобы не было привилегии разным классам! Потому, ежели ты жена милиционера, и в пути наперекор мужу пошла, все одно, как простая смертная должна быть рассматриваема! Тряхнула головой — и самолюбиво ушла.

М. Коварский

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

Т-во „Юнкерс“ организует воздушную грузовую линию: Персия—Закавказье—Крым—Одесса—Вена. Предполагается перевозить по воздуху в Европу закавказский шелк, коконы грены.

Рис. Л. Бродаты

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

КЛЮЧ МУДРОСТИ.

На ст. Минеральные Воды забил новый ключ мудрости. На этот раз ключ бьет из головы ДНПЗ. Пятигорский „Терек“ печатает следующее сообщение:

Не так умен ДНПЗ Барбашев, как „шибко“ грамотен. На третьем пленуме Учпрофсожа он заявил:

Каждый машинист должен останавливать поезд на разъездах инстинктивно, освещать-же разъезды нам дорого обойдется.

Верно, ДНПЗ—верно и умно. Но беда, что не у всех машинистов собачий нюх, а то, конечно, посредством инстинкта можно было бы разъезды не проезжать.

Недогадливый Учпрофсож в Мин.-Водах: после речи ДНПЗ нужно было инстинктивно вылить на голову оратора ушат холодного Нарзана. Очень помогает при упадке умственных сил и общем обалдении.

ГОМЕЛЬСКИЕ КАПРИЗЫ.

О любопытном случае сообщает „Полесская Правда“:

(ГЛАВНЫЕ Ж.-Д. МАСТЕРСКИЕ)

Рабочим главных гомельских мастерских в текущем году было предоставлено несколько мест в Крыму с месячным сроком.

Чистый воздух, горы, море, горячее солнце—словом, рай.

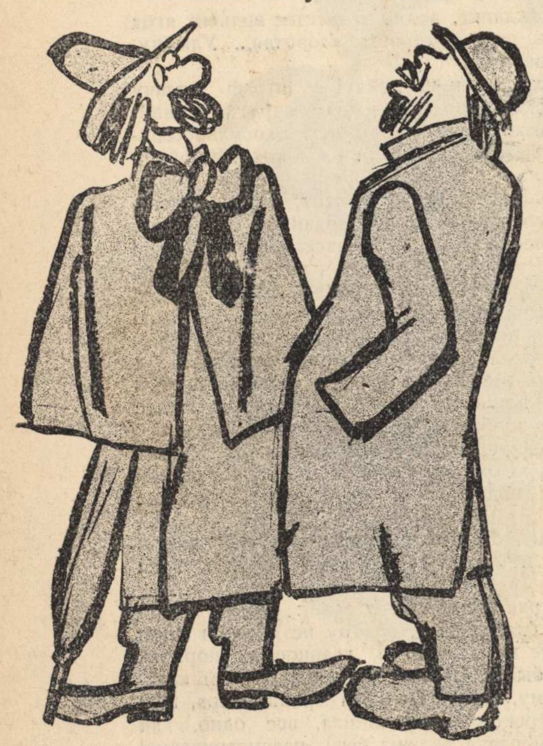
Хотелось бы всем нашим коллективам там погреться, да мест мало. Попало под разверстку только несколько человек.

Приехали они туда. Переночевали, кто одну только ночь, а кто прожил целую неделю. Едут назад в свой Гомель досрочно.

— Что за причина?

Оказывается, что там не совсем рай: *нет своих „баб“, нельзя гулять, скука адская, нет никакого развлечения*. Посмотрели кругом и, не долго думая—назад.

Капризный народ—гомельские железнодорожники: не хотим, говорят, иметь вид на море!.. А лечебную комиссию конфуз разбирает: и больных железнодорожников не уважили, и здоровым бабникам не угодили!!.

— Ну, вот: дождались! Читали? В России все товары взлетели на воздух.

ЯСНОВЕЛЬМОЖНЫЕ ПАРЛАМЕНТАРИИ

Одесские „Известия“ перепечатывают отрывок из отчета о заседании польского сейма с небольшими комментариями:

Трещат пюпитры и доски скамей, отрываемые сильными руками. Шум, в котором только изредка можно разобрать отдельные слова.

Кверху подняты кулаки, некоторые из них быстро опускаются на головы соседей.

Это не кабак — это польский сейм.

Слышны голоса:

Депутат Багинский (по адресу ППС).

— Вы лакеи.

Депутат Квапинский (ППС): *За такие слова по морде бьют.*

Багинский бросается на Квапинского —хлоп! хлоп! У обоих багровеют щеки.

Депутат Малиновский (ППС) схватив что-тотяжелое, бросается в аттаку. Его сзади схватывают за шиворот и оттаскивают.

Подбегает деп. Дуро на помощь Багинскому.

Депутат Квапинский (по адресу Дуро) *Поцелуй меня в ж..!*

Общий гул, общая драка. В бой вступает фракция народной рабочей партии, до сих пор соблюдавшая нейтралитет. Все резервы пущены в ход.

Депутат Герц басом кричит депутату Недбальскому: Вон, г...о!

Тогда председатель Морачевский закрывает заседание.

Является медицинская помощь. Промываются раны. Накладываются повязки. В буфете подкрепляются бойцы, вспоминая эпизоды славной битвы.

Это не анекдот, не фельетон, не выдумка. Это списано дословно с отчета о заседании сейма.

Панове!

Дураки сидят в Польском Сейме: в казне—ни гроша медного, а депутаты ругаются последними словами... совершенно безплатно. Предлагаем срочно ввести солидный штраф за сквернословия и за мордобой. Ручаемся за увеличение доходов королевства Польского. Абсолютно верное дело.

Еще польска не сгинела!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Раньше принято было думать, что хуже всех на Волге живется бурлакам. Времена переменились. Хуже всего живется... собакам города Сталинграда (б. Царицын).

По сведениям „Борьбы“.

Сталинградский городской перевоз за переправу через Волгу берет с человека 10 коп., с собаки 15 к.

Обидно собакам, что их за нэпманов считают, а жаловаться некуда.

Кряхтят и платят.

КУБАНСКИЕ ОБЖОРЫ

(Ст. Смоленская)

Кубань—край богатейший. Не зря там процветает обжорство. „Советский Станичник“ печатает письмо в редакцию:—

Я—Камышан М. Т. ехал с мельницы. Вдруг на дороге меня останавливает милиционер нашей станицы Галаган и приказывает отвезти его в ст. Крепостную. Не зная его, я спросил:

— Как ваша фамилия, и кто вы такой!

Милиционер стал кричать на меня и грозить.

Я повиновался, но попросил уплатить прогоны.

Тогда Галаган *задержал меня, привел в стансовет и составил протокол, приговаривая*:

— *Я тебе покажу! Наелся свободы!*

Следовало бы дать рвотное, только не извозчику, а станичной милиции: пусть бы ее прочистило как следует, а то не мало дряни поднакопилось за годы революции.

БОРЬБА ЗА КНИГУ

в буквальном смысле слова ведется в Сталинграде, в одном из клубов. По словам „Борьбы“—

Любит побуянить зав. библиотекой *клуба имени „Павших борцов“*.

Но не думайте, читатель, что зав. буянит, когда он пьян? Нет, он в трезвом виде стучит по столу кулаком и бьет своих товарищей.

Рабочие и молодежь поговаривают:

— Сходил бы в библиотеку взять что-либо почитать, да опасно—как бы зав. библиотекой не избил.

А название клуба—в самую точку: что ни читатель в библиотеке—обязательно павший борец, избитый завбиблиотекой.

НИ ПУХА НИ ПЕРА!

Губздрав, смени „пух“!—раздается вопль в Сталинградской „Борьбе“.

Основания:

В 5-й совбольнице, на поселке им. Рыкова, в матрацах и подушках, вместо пера и пуха,—хворост и колючки.

Очевидно, у больничного Завхоза рыльце в пуху, потому в подушках пуха и нету. Не хватило на всех.

Мы не столь богаты, чтобы пухом бросаться!

НОТ ПО-КАЛУЖСКИ

НОТ—сокращенное название Научной Организации Труда, при которой люди стараются каждое дело, каждую работу выполнять в наименьшее количество часов с наибольшим результатом. В Калуге НОТ понимают упрощенно:

> В Калужском У. З. Упр. за последнее время стали неособенно вежливо обращаться с просителями крестьянами, приезжающими из уезда за разными земельными справками.
>
> Вместо того, чтобы разыскать дело или план на землю, дать крестьянину справку, его посылают в Губ. Зем. Упр., *а при настойчивости просителя... ко „всем чертям“!..*

Просто и хорошо: послали просителя к чертям, и волоките—конец. Не то, что другие учреждения, гоняющие жертву от стола к столу, из комнаты в комнату.

Предлагаем наградить Калужский Уземотдел, как красного изобретателя в уездном масштабе!

ТИШЕ ЕДЕШЬ—ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

Собственно, пора перейти на метрическую систему. Но приводимое ниже письмо нашего корреспондента содержит расчет в саженях и верстах.

Оставляем без изменения: старые меры—больше к лицу волоките, о которой в письме идет речь.

> Здравотдел Закжелдорог прислал в службу пути отношение о переводе по болезни машиниста Кривицкого со станции Баладжары в Санаин. Бумажка из кабинета зава в канцелярию (расстояние в 5 саженей) шла четыре дня. Затем переписка была отправлена в Ленинакан и... канула в вечность!
>
> Ничего нет удивительного: ежели 5 саженей она шла 4 дня, то 1285 верст от Баладжана до Ленинакана потребуют 514000 дней (1427 лет слишком!)
>
> *Красный еж.*

Итак, в один прекрасный день 3352-го года она, наконец, украсится резолюцией:

„В переводе отказать“ (подпись неразборчива).

ГОССТИЛЬ

Рис. Л. Еродаты

В деревне нет календарей. Деревня все еще живет по Оксиньям-Полухлебницам, Петрам-Полукоумам, Алексеям-с-гор-вода и т. д.

— Что у нас нонче? Аксиньи-Полухлебницы? Сзывай тогда пленум волисполкома на Петра-Полукоума, а Крестком так и быть на Николу-Завивальника отложим! А что касаемо женского вопроса, так пущай его на Лукерью-Комарницу отнесут: бабье на бабу!

ТЕНИ МИНУВШЕГО

Рис. Б. Антоновского

Президиум Петроградского райисполкома внес в Губисполком предложение о легализации уличной бесплатной торговли.

— Эх! Рази это жисть? Прозябание одно! Стою, как дурак, целый день на одном месте и при виде милиционера даже побежать не смею. Ску-учно!

ВЕРХ ДИСЦИПЛИНЫ

Вот образец блестящего общего собрания.

Сообщает наш читатель:

> В Рассашанском уезде Воронеж. губ. есть заведующие почтовыми отделениями, добросовестно устраивающие *собрания своих служащих*
>
> Обсуждается повестка дня. Пишется протокол. Всё честь-честью.
>
> А служащих всего-на-всего—два человека: зав. и почтальон.
>
> Один из них,—видимо, зав,—председательствует, а почтальон секретарствует.

А, в случае неявки, второе собрание объявляется законным при любом числе собравшихся.

И если опоздают зав и почтальон, как тогда быть?

Тогда в роли председателя, секретаря и аудитории—выступает *повестка дня*. Больше ж некому!

ТОНКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

Как сообщает Харьковский „Пролетарий“

> Собрались партийцы г. Волчанска на обще-районное партийное собрание 10 июля...
>
> Вот и протокол (№ 10) этого собрания:
>
> — Слушали:—доклад т. Божко о расширенном коминтерне.
>
> — Постановили:—*по данному докладу и докладчики и доклад не закончен.* После окончания доклада резолюция будет выработана общая.
>
> Как будто-бы не совсем понятно?!

Не даром говорится: как Волчанск не корми, а он все в протокол глядит.

Глядит и не может понять собственного постановления.

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОБУЖДАЕТСЯ

„Красный Крым“ извещает, что

> В дер. Шумхай имеется отделение кооператива. Возглавляющий его гр. Тодоров держится на манер старого хозяина, полного владыки в своей лавке. *На этом основании он в рабочее время на стойке ложится спать и преспокойно похрапывает.* Вряд ли это поднимает уважение к кооперативу.

Спрашивается, что предпримет Правление К-ва:

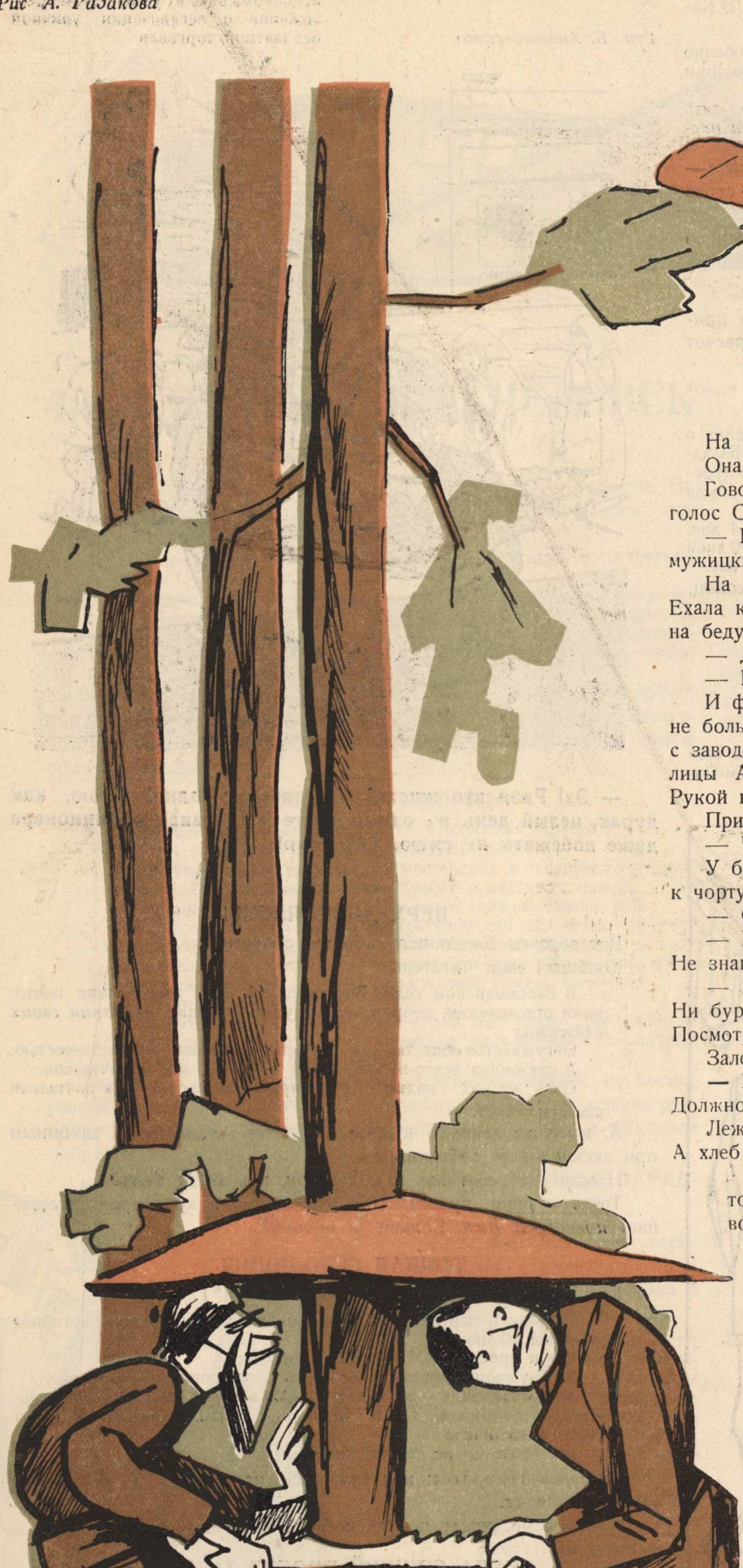
Закроет ли Кооп, чтобы не беспокоить заведующего, или разбудит заведующего и откроет Кооп?

Ответ. А впрочем жаль будить человека, раз он осуществляет лозунг: „Кооперация, повернись лицом к покупателю!“

НЕТ ТАКОГО ЗАКОНА, КОТОРЫЙ...

Рис А. Радакова

Выдвинут проект воздушной охраны лесов Сев.-Зап. области. (Кр. Газета.)

— Таперича бы бесшумную пилу изобресть — а чтобы увидеть, ни в жисть не увидит... Пользительная вещь наука и техника, дядя Митяй!

СЛЯКОТЬ

На курорте историю эту слушал я, в ожидании ужина.
Она не раздута поэтом, а, напротив, несколько сужена.
Говорили о смычке и прочем; спорили долго и веско. Вдруг голос Степана—рабочего врезался в спор, как стамеска:
— Ехала Алена из города. В поезде—публики туча. Кругом мужицкие бороды, лапти, котомки, онучи.
На Алене блузка с прошивками; по всему городская, видно. Ехала к бабке паршивка, а сознаться ей в этом стыдно. А тут на беду, в придачу, пристают мужики с расспросом:
— Далече-ли едешь?
— На дачу!
И фырх от онучи носом. А была Алена работница, из деревни не больше года; мать у нее была скотницей, а отец пролетарий с завода. Учили ее политграмоте, да Алена ленива учиться. От столицы Алена без памяти; где уж ей с мужиками сойтиться! Рукой не достанешь до носа!
Приехала к бабке Алена.
— Что это: рожь, или просо? А разве овес зеленый?
У бабки свалилась кичка; трясутся у бабки руки. Какая тут к чорту смычка! Увидела бабка муки.
— Свари-кось обед, христа ради!—бабка Алену просит.
— Не умею. У нас в Ленинграде обед из столовой носят Не знаю, куда капуста, куда мясо, коренья, кости...
— Ах, чтоб тебе было пусто! Научу тебя ездить в гости! Ни буренку, глядишь, не подоит, не снесет и соломы охапки. Посмотрю-кось, как девка взвоет без обеда у старой бабки!
Залезла на печку бабка.
— Не слезу я нонче с печки. Что-й-то, Алена, мне слабко. Должно, простыла на речке.
Лежит себе бабка полсутки; кряхтит, под дерюгой жмется. А хлеб у самой в закутке: жует да под нос смеется.
У Аленки в желудке пусто. Не ложиться же спать ей тощей! Положила в чугун капусты, разыскала и мясо во щи.
— Будешь, девка, теперь попрытче!—засмеялась старуха с печи.

Этот факт, друзья, а не притча, был от наших мест недалече. Нам смеяться надо—не плакать; протрубить этот случай в уши, коль хоть раз заведется слякоть, мы ее навсегда осушим.

Р. Волженин

ПРОЖИТНАЯ НОРМА

— А у нас теперь посещаемость общих собраний 101%.
— Не может быть?!
— Очень просто: как дивертисмент ввели, так даже чужие слушать заходят!

У ДОКТОРА

— Обмен веществ у вас, гражданка, плохо происходит.
— Отвыкла я от этого: потому с 18 году ничего вещественного-то не меняла.

ПОБЕДА СТАТИСТИКИ

Рис. В Лебедева

САРАТОВ. 8. В городе развелось до 25.000 бродячих собак.
(„Веч. Кр. Газ.“, 169)

— Товарищ Сидоренко, а этот палевый пес, ноги в чулках, хвост в репье—отмечен у нас?
— Так точно! Под № 24.367 значится!

БЕС... ПОКОЙНИКИ

Рис. А. Радакова

— Грабитель, голубчик, забери у меня все, оставь только мир праху моему!

ГОЛОВА

Я стоял на трамвайной остановке, нетерпеливо ожидая подходящего номера, как вдруг у моего уха раздался таинственный шопот:

— Гражданин, разрешите на секундочку.

Я быстро повернул голову: высокий, обросший бородой мужчина манил меня пальцем в сторону.

— Очень извиняюсь,—сказал он, когда мы отошли,—но я хотел вас предупредить.

— Что такое?

Мужчина наклонился, дыша на меня перегаром горькой.

— Сейчас на задних площадках поставлены мильтоны, и только вы вскокните на ступеньку до полной остановки, то неминуемо оштрафуетесь на полтишок.

— Спасибо,—сказал я и хотел отойти, но мужчина потянул меня за рукав.

— Зазвиняюсь. Уплатите сколько-нибудь за предупреждение.

Я улыбнулся и подал мелкую монету.

— Шли-бы лучше на биржу, там безработных на строительные работы берут.

Мужчина хмыкнул.

— Не гожусь по слабости мускулатуры. Но ношу голову на плечах и потому занимаюсь умственным трудом—предупреждаю граждан от полтишона, имея от того сущие гроши, хотя ничуть не жалуюсь на службу. Клиентов много и все мною остаются довольны.

— Позвольте, какая-же это служба?

— А как-же, на два союза служба—коммунальщиков и лечебников. По откомхозу налаживаю вход в трамваи, а по губздраву борюсь с увечьями. Выходит, служба да еще совместительство, как-же.

Мужчина метнулся к изнывающей от жары и множества пакетов в руках женщине и снова таинственно зашептал. Испуганная женщина торопливо протянула пятак.

— Чувствительно вами благодарен,—громко сказал мужчина.—Насколько не ошибаюсь, на дачу стремитесь? Счастливого пути, кланяйтесь душистым березкам.

Трамвай помчал меня вдоль улицы, и совместительствующий службист скрылся из моих глаз.

Второй раз я встретил его на почте у окошечка продажи марок. Мужчина улыбнулся мне, как старому знакомому.

— В нарсвязь перешел,—сказал он,—на почте служу.

— Что-же вы тут делаете?

— А марки лижу. Купит клиент марочку и надо ему на письмо наклеить, я сейчас свой язык представлю—дозвольте я оближу.

Мужчина преградил дорогу старушке с громадным конвертом в руках.

— Разрешите, я вам марочки послюнявю.

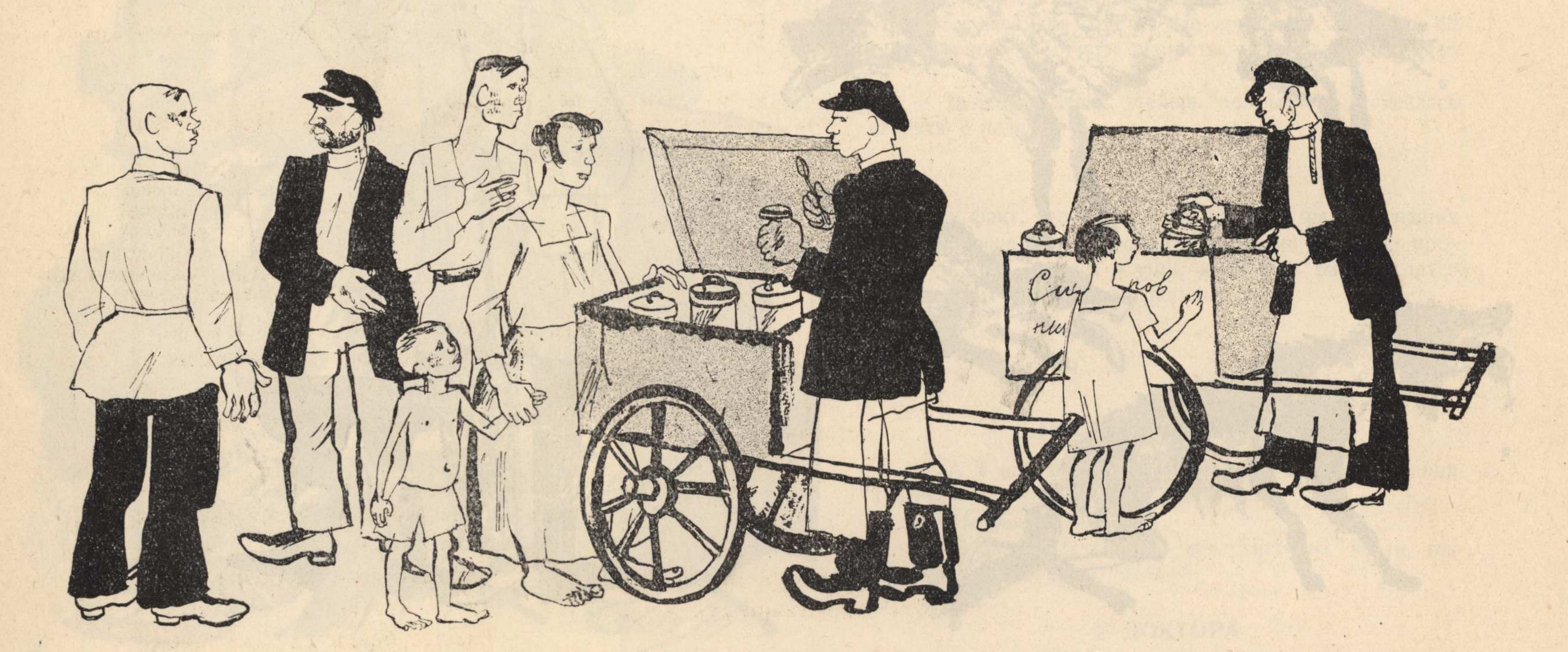
— Ишь ты, ловкач, — сказала старушка.—Рот-то у тебя может заразный, с бактерьями. Стану я за тысчу верст к родным заразу посылать.

— Зачем зараза с бактерьями, рот у меня гиенический, будьте уверены, как у младенца.

Старушка нерешительно поморгала веками и протянула марки.

ПО ПОСЛОВИЦЕ

Рис. Г. Эфроса

— Что-ж ты в очередь-то стал, еловая голова! Валяй к другому—там нет никого...
— Не пойду! На миру и смерть красна!

ВСЕ РАВНЫ

По обследованию Губздрава в Лодейнопольском у. после родов мать ведут сразу вместе с ребенком в баню и обоих парят, а затем основательно поят и родильницу и ребенка самогоном. (Красная Газета.)

Рис. А. Юнгера

Один из гостей: **Нехорошо, товарищ! Что же это тот гражданин, который всего-то деньков пять на этом свете, больше всего дует? Пьем-то, небось, вскладчину, а ён обманывает.**

— На уж, лижи. Смотри, легче лижи, а то весь клей слижешь.

Мужчина ловко облизал марки и наклеил на конверт.

— Ну, спасибо, — сказала старушка, отходя с письмом, — пожалел ты мои старые слюни.

—Ззвиняюсь, а плата?

— Какая еще плата?

— А за матерьял, за слюни. Думаете, дарма мне слюни даются?

— Да ты ошалел? С каких это пор платные слюни стали?

— Ничуть не ошалел, платите деньги, а то в милицию.

Старушка испуганно вытаращила глаза.

— Мил человек, бери слюнями назад. Давай, я хоть десять раз в твой рот плюну.

— Не надо мне ваших слюней, кладите деньги.

Старушка бросила копейку.

— На, отвяжись, слюньщик почтово-телеграфный, чтоб те скиснуть.

— Ишь, слюней на гривенник заказывает, а дает копейку, еще на пол кидает. Может, теперь мне фунт ситного съесть надо, чтоб тем слюни вернуть. Публика тоже, — повернулся мужчина ко мне, — надо-бы таксу установить, но рази они понимают?

Я дал облизать два конверта и щедро расплатился.

Последний раз я столкнулся с ним у большого кафэ на центральной улице. Широко распахнув передо мной дверь, мужчина бодро кивнул мне головой.

— Теперь в нарпите служу, дверьми заведую.

— А почта? — спросил я.

— Сократили. Губки с водой стали на столы ставить, и начали все в губки марки обмакивать, а мне лизать не дают. Сначала я этих конкурентов, губки-то, в карман прятал, но вскоре приметили и пускать меня перестали.

За стеклом показалась грузная фигура посетителя. Мужчина рванул дверь и вдруг присвистнул.

— Спина-то ваша, гражданин, как испачкана... Дозвольте, я почищу.

Мужчина пошаркал ладонью по совершенно чистому пиджаку посетителя.

— Готово. Уплатите сколько-нибудь за очистку спины.

И, ловко поймав налету мелочь, подмигнул мне.

— Нарпит союз самый питательный.

К. Мазовский

ЕЩЕ НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Спец правду видит, да не скоро скажет.

Семеро беспартейных одного партейного ждут.

В НОГУ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

— У нас вон живоцерковский-то поп даже в Доброхим записался.

— Да что вы?

— Да. Научно, грит, обновлять иконы учиться буду. Чтоб безомману, стало-быть.

ДЫМОК ПОЛИТИКИ

„Советские папиросы пользуются большим успехом за-границей.“

„Исчезнувшие с рынка папиросы „Пушка“ Заменены равноценными папиросами „Совет“

Разрешивши все вопросы,
Конкурентов съев в присест,
Заграницу папиросы—
Экспортирует Табтрест.
И батрак, будь он немецкий,
Иль французский (что за счет!)
С нетерпеньем дым советский
День за днем сидит и ждет.
И, платя свои полушки,
Знает, парень, в чем секрет:
Раньше брали нас „на пушку“—
А теперь—даешь совет!

Мотыльков

КУЛЬТУРА!

Московский Совет издал обязательное постановление о пользовании Москвой-рекой для купания в пределах городской черты. Особые знаки указывают места для купания мужчин и женщин.

Рис. Евлампия Надькина. Без всякой подписи.

ПРОДСАД И МАГОТДЫХА

В универсальном маг. ЕПО с сегодняшнего дня будет играть усиленный оркестр.

В Народном Доме открылось много Госларьков, торгующих предметами первой необходимости.

Рис. Л. Бродаты.

— Марь Иванна, куда вы так торопитесь?

— Да мне надо сбегать в Сад Народного Дома—там сегодня получена свежая треска и недорого молодой картофель. А вы куда так нарядились?

— Я в магазин ЕПО—прогуляться и музыку послушать—там сегодня шестая симфония.

НА ОТДЫХЕ

Всем отпускницам с сочувствием посвящаем.

Муж откусил ситный, пожевал и промычал сквозь полный рот.

— В отпуске, значит?

— В отпуске,—сказала Поля,—на две недели. На отдых.

— Лафа!—помотал головой муж.—Сейчас я ем, пью, на работу тороплюсь, а ты сидишь, мозоли с ног сковыриваешь. Поем, попью я, на фабрику побегу, ты-же останешься дома отдыхать. Приду я на фабрику к станкам, начну работать, а ты все отдыхаешь. Уставать я у станков начну, руки, ноги заломит, ты-же продолжаешь заниматься отдыхом. И отдыхай, трудящаяся, пользуйся, чего там... Вот я уйду, ты спать ложись. Спи до вечера, чего там...

Уходя, муж взял сына за чуб

— Ты, Мишка, не лезь теперь к матери—у ей отпуск.

Поля проворочалась с полчаса с боку на бок, но с привычки не спалось, даже становилось противно лежать.

— С чего-бы начать длинный день?—думала Поля, и тут взгляд ее упал на темные пятна на полу.—Ага, помою-ка я пол!

Поднялась возня, передвигание комодов, сундуков, и пол сразу почувствовал начало отпуска—такой бани ему давно не задавали.

Отдышавшись и просохнув от пота, Поля собралась в садик.

— Пойду,—думала она,—посижу с Мишкой на солнышке.

На лестнице встретилась соседка.

— Никак в отпуске? Ну, слава те... Отдыхайте, отдыхайте... В садик идете на солнышко? Возьмите мою Машку, пущай тоже попарится.

И, высунувшись из окна во двор, соседка закричала:

— Сонь, а Сонь! Посылай своего Петьку в садик, пущай идет с Полей... Она в отпуске отдыхает.

Во дворе какая-то старуха навязала и своего мальчишку.

— Заберите его, а то он все по подвалам хулиганит... Иди с тетенькой, она, вишь, отпуск гуляет.

Вечером за чаем муж поглядел на потолок и сказал:

— Надо-бы потолки обелить... Наготовлю я тебе матерьялу, а ты займись завтра, помахай кисточкой... Все одно у тебя отпуск.

Потом из третьего номера пришли звать на стирку.

— Что-ж—сказал муж,—они деньги уплотют, иди.

На следующий день с самого утра заявилась знакомая.

— Милая, не беретесь-ли пошить мне платье?

— Отчего не браться,—решительно ответил муж,—берется. Берись, чего там.. Деньги уплатют, нам на ягоды.

А к обеду прибежала сестра.

— В отпуске, отдыхаешь?... Ну, слава те... Я нарочно ждала твой отпуск. Хочу в деревню съездить на три дня, а ты уж, будь любезна, похозяйствуй за меня, поготовь обед...

На седьмой день, похудевшая, с провалившимися щеками, Поля явилась на службу.

— Что такое?—удивились сослуживцы.— Ведь вы в отпуску, на отдыхе?

Поля уныло махнула рукой.

— А чтоб он лопнул, этот отдых! Устала я от него... На поправку пришла.

К. М.

ГОРЕ ОТ УМА

Ленинградпрофобром разрешено открытие курсов по поднятию квалификации старших поваров ЛСПО.

Курсы будут функционировать при столовой университета.

— Официант! Какой у вас сегодня суп?

— Супу, извините, нету. Имеется: крем-спаржа, по-та-фе, кренд...

— Гм... Ну, а на второе?

— Второе? Что прикажите: гренуар соус тартар, вязига фрит, мутон соус бордолёз, апашпюре...

— Гм...

Бухгалтер Картонкин, который зашел по случаю воскресенья и отсутствия жены, в столовую ЛСПО,—в недоумении:

— Есть хочется, а чорт его знает,— что заказать? Еще, чего доброго, отравят!

Он уныло озирается по сторонам и старается заглянуть в тарелки соседям: что-то эти счастливцы, уже заказавшие, едят?

И про-себя соображает:

— Может, этот... мутон? Или—спаржу девязига?..

А потом вслух спрашивает:

— А это... того... не опасно?

— Чего-с?

— Не опасно это... вот это самое—бордолез и потафе?

Официант снисходительно улыбается:

— Помилуйте! У нас старший повар государственный университет окончили! У них ум-с и образование—первого разряда-с!

— Гм.. Университет? Здорово! Умный, верно?..

Бухгалтер умилен.

Он, Картонкин, кончил только городскую школу, да и ту, собственно говоря, не кончил, а его выгнали за куренье... А вот повар—университет окончил!..

— Оттого у него, верно, все такие названия кушаньям умные—латинские, греческие и эти... филологические! — соображает бухгалтер.—Здорово, верно, образованный человек!

Бухгалтер Картонкин не желает ударить лицом в грязь перед универсантом-поваром—он, Картонкин, так-же, чорт возьми, образованный!—и он тычет пальцем в первое попавшее ему на глаза блюдо:

— Вот! Я это люблю! Попадается, по-та-фе... Что-то оно такое?..

— Все?—спрашивает официант.

— Хватит!—небрежно бросает Кортонкин,—я, собственно говоря, сыт уже!..

Когда ему подают суп—это блюдо оказывается именно супом,—Кортонкин с ненавистью съедает всю миску и думает:

— Ладно, пообедаю ужо в другой столовой!.. Другая столовая—недалеко.

И через 10 минут повторяется та же история.

— Официант! Что у вас можно поесть?

— По-та-фе... Крем-спаржа... Филе-миньон...

Картонкин спрашивает осторожно:

— У вас старший повар—где учился?

— В госуниверситете!—гордо заявляет официант.—Кончили по первому разряду-с!

— Так, — кивает Картонкин — приятно... Я, знаете, также кончил городское училище. В 1889 году... Это вроде университета, только без греческого и без этой... филологии... Дайте-ка мне...

Он вертит пальцем над карточкой кушаний и опускает палец:

„Крем-спаржа!..“

Официант подает ему суп.

Опять суп!!!

Так бухгалтер Кортонкин обходит семь столовых ЛСПО и съедает семь супов за здоровье семи поваров с университетским образованием...

Его уже тошнит, но он желает, во что-бы то ни стало, дорваться до котлет, каши и пирога!..

В 9 часов вечера он попадает в грязную харчевню на край города. Ловит полового за сальный передник и спрашивает шопотом, в котором—и ужас, и мольба, и надежда:

— Ваш старший повар где учился?

Половой дергает локтем и певуче бросает:

— И чего, братишка, треплешься-то? Назюзюкался горькой!.. Где учился—под седьмым забором с тележным прибором!.. Что изволите заказать-с?

— Нигде не учился?!—радуется бухгалтер.— Я тоже нигде! Городского даже не кончил, за куренье погнали!.. Ей-богу! А? здорово? Чего можно поесть?

— Щи, каша, пирог с треской, коклеты...

Картонкин смеется радостно и даже счастливо.

— Давай—и кашу, и пирог, и кот... коклеты!.. Только, брат, щей не надо! Ну их к чорту—эти супы!

Э. Гард

ЧЕРНОМОРСКАЯ БАЛЛАДА

В душе—и Лермонтов, и Пушкин,
В глазах—полдневные лучи,
И кипарисы на опушке—
Как две нетронутых свечи...

Два быта сдвинулись нелепо
Среди магнолий и агав—
И в гущу яростного нэпа
В толстовке въехал Наркомздрав.

Отдавшись солнечному сплину,
И не жива, и не мертва,
Лениво прогревает спину
Мануфактурная Москва.

Из чрева выдавив банкноты,
Облапив купленые дни,
Потеют сонно бегемоты
С семьей на солнце и в тени.

Но зоркий враг залёг на пляже,
И новый быт взрасти готов
Среди холеных, тучных ляжек
И раздобревших животов.

Вот, вот... На туши целят прямо,
Бегут ватагой по песку—
Пятнадцать кепок от „Динамо“
И двадцать кепок из Баку.

Уходят дни на штурм природы,
Сбегает к вечеру волна,
И санаторные народы
Отходят мирно в лоно сна.

Но... вопреки замкам, засовам,
На время став запретным словом,
Любовь попрежнему—магнит,
„Лишь только ночь своим покровом
„Верхи Кавказа осенит“...

Александр Флит

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

„На курортах за последнее время участились случаи заявлений больных о полном отсутствии средств на обратный проезд с курорта. Не имея особых ассигнований для этих целей, управления курортами вынуждены в таких случаях сокращать срок пребывания на курортах и, выдавая им деньги за неиспользованные дни, предоставлять им возможность обратного проезда.

(„Труд“, 144)

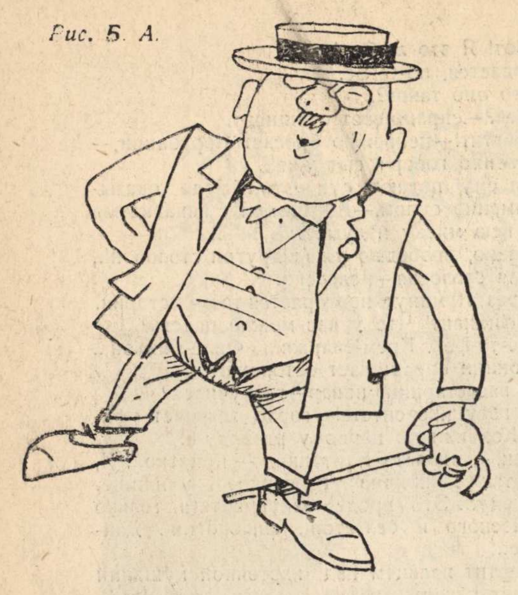
Рис. Н. Радлова

— Чего ж это народ из вагонов не выпущают?

— А так что, которые без обратных средств и дальние, то им курортные дни наперед кончились и обратно их отправлять седни же будут!..

Рис. Б. А.

ЧТО ЗА ФИГУРА?

А это, видите-ли, валютчик—на радостях, что сделки с валютой разрешены, самое видное место на углу занял.

ПО НОВОМУ ПУТИ

В произведениях Ампа, которые он продолжает н-зывать романами, грань между художественным повествованием и специальным техническим трактатом почти совершенно стерта. Его лучший роман „Песнь Песней" является, вместе с тем, своеобразнейшим руководством по культуре ароматических растений, добыванию и обработке эфирных масл, по организации парфюмерного производства—руководством, которое могло-бы сослужить службу не одному специалисту из „Жиркости". Роман „Лен" — поистине исчерпывающее пособие по технологии льна. И т. д.

(Из предисловия Бенедикта Лившица к „Искателям золота" Пьера Ампа.)

Не всё сразу, дорогие читатели. Не всё сразу. Конечно, если впопыхах, необдуманно, начнешь плевать через Европу, никогда ее, подлую, не переплюнешь.

Но мы потихонечку и полегонечку. Мы пристально взглядимся во все заграничные технические завоевания, чтобы позаимствовать и развить самые ценные, необходимые для республики.

Итак, чем же мы сейчас займемся? Мы займемся составлением художественно-литературных кратких пособий, в строгом контакте с тов. Ампом, Петром (а отчества, извините, не знаем).

1. ОБМИРАНИЕ С ПЕРЕПОЯ

(Новелла)

Жарко припекает солнце.

Доктор Беленковский (Пл. Лассаля, 9, кв. 1, тел. 603—38, прием от 2-х до 5-ти) лежит на песке, ногами к солнцу (головой—не рекомендуется, во избежание прилива крови).

Рядом, в той же позе, расположился не имеющий законченного медицинского образования бухгалтер Носов.

Прикрыв голову белым полотенцем, он внимательно слушает авторитетное объяснение доктора.

— Обмирание с перепоя является следствием отравления алкоголем,—говорит доктор Беленковский, не повышая голоса и стараясь ровно дышать.—Что же в этом случае рекомендует медицина? Извольте: холодные обливания водой головы и тела, свежий воздух, руки и ноги—в теплую воду, клистир с касторовым маслом и солью...

— Виноват, один вопрос, уважаемый доктор... Соль—она должна быть столовая, мелкая, или—поваренная, крупная? Очень интересуюсь...

— Абсолютно безразлично. Мелкая соль удобнее при еде, когда вам нужно посолить, например, свежий, хорошо промытый отварной (лучше даже горячей) водой огурец. А для клистира вполне годится и крупная соль.

— Спасибо. Что же дальше? Я слушаю...

— Внутрь больному рекомендуем нашатырный спирт (10 капель на чашку воды), рвотное. Полезно также поить солодовыми порошками и употреблять все способы, чтобы больной заснул. Вот и всё. Который час?

— Двенадцать часов, пятнадцать минут.

— Ого! Вставайте скорее. На первый раз солнечная ванна не должна быть больше десяти минут.

Они поднимаются и медленно сходят с песчаной горы.

Легкий ветерок забирается под рубашки, мокрые от пота.

Будь он сквозняком, он наделал бы беды.

---

2. МЕТРИЧЕСКИЕ МЕРЫ

(Отрывок из романа)

Продуктовый магазин был закрыт на два часа обеденного перерыва, и продавцы т.т. Серегин и Попков сидели в кооперативной столовой на углу Троицкой и пр. 25-го Октября (б. Невский), с аппетитом уничтожая дешевый, общедоступный и питательный обед.

В перерыве между первым и вторым блюдом, Серегин восторженно сказал:

— Ах, до чего мне все таки и вообще нравится система метрических мер. Такие, прямо скажу, интеллигентные меры.

Послушать только!—Линейные: 1 километр равняется 1000 метрам, 1 метр равняется 10 дециметрам, или 100 сантиметрам, или 1000 миллиметрам!..

— Очень ловко равняются!—согласился с товарищем Попков:—только я больше обожаю меры объема: 1 гектолитр равняется 100 литрам, 1 литр—1,00011 кубического дециметра. Такая красота—прямо не выговорить: кубический дециметр! Что твое матерное слово! Да нет,—хлеще!

В эту минуту служащий нарпита, не берущий на „чай", поставил перед ними две тарелки, наполненные дымящимся „натюрель-грюнель-рио-ди-жанейра — по варшавски" (быв. обыкновенная котлета).

И разговор с метрических мер перевелся на завоевания поварской техники.

---

3. ПИСЬМА

(Стишки в прозе)

Большие и маленькие, исписанные крупным разгонистым почерком и мелким аккуратным бисером, печальные, облитые слезами, и радостные, как новая вывеска промторга...

Колесите вы, письма, по всему грандиозному СССР, из края в край,—

а) местные,—за первые 20 грамм—4 коп., последние 20 грамм—2 коп. Для Москвы и Ленинграда: первые 20 грамм—5 коп., последние—3 коп.

б) иногородние—за первые 20 грамм—2 коп., за последние 20 грамм—4 коп., и

в) почтовые карточки—4 коп.

Милая, далекая! Я жду твоего письма, хотя-бы со штампом „доплатное"... Я не боюсь, что с меня взыщут сумму в двойном размере!

Азиат

СПАРТАЧИ

— Опять этот матч прошел в пользу коммунальщиков.

— То в пользу коммунальщиков, то совработников, нет чтоб в пользу хотя-бы беспризорного ребенка устроить его.

НА ЮБИЛЕЕ

— Уважаемый мэтр! Сегодня день, когда...

Зритель (завистливо):

— Ишь, чорт! По метрической системе зажаривает!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ—В „ВЕЧЕРНЕЙ МОСКВЕ“

Бедный Совнарком РСФСР! Работает день и ночь—а кто о нем заботится?

„Вечерняя Москва“—вот кто!

В номере от 13 июля она помещает заметку под заголовком:

ВОПРОС О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В СОВНАРКОМЕ

Самостоятельная газета!—о своей неграмотности не думает— все для других!

ДОВОЛЬНО РЕВЕЛИРОВАТЬ!

Товарищи, какого вы мнения об инспирации Англии по поводу зондажа по линии компенсирования Польши?

Значит, вы читали статью Ст. Р-скаго „Польша и гарантийный договор“—в воскресном номере „Известий ЦИКА“ от 2-го июля?!

А там сказано:

„... Такие планы выдвигались уже со стороны Англии... как это *ревелирует* сейчас бывший итальянский посол Томассини в своей новой книге“...

„... Поэтому в Германии, вероятно по *инспирации Англии начался зондаж по линии компенсирования Польши*“...

Не мешало бы „Известиям“ начать глубокий зондаж в своей памяти и ревелировать, что говорил т. Ленин по поводу злоупотребления иностранными словами в печати.

ЧУДЕСА КИНО

Кино, воистину, шагает семимильными шагами. Мы знаем, что артисты на экране могут смеяться, плакать и т. д., но, оказывается, как сообщает Ленинградская „Новая Вечерняя газета“ (№ 97) про Японского артиста —

Сессье Хайякова пользуется большим успехом в светских салонах. Дамы постоянно осаждают его.

— Ах, ваша игра—чудо выразительности... Но как вы можете бледнеть по желанию? На меня производит неизгладимое впечатление, когда я вижу в кино, как вы *бледнеете* от гнева, — вопрошает его очаровательная собеседница.

Собеседнице-то ладно: спросила и—в кусты, а читателям газеты за Хайякову краснеть приходится.

„В МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

Есть такой журнал „Мир Приключений“. В № 4 читаем в рассказе „4, 4, 4“:

В наступившей перед песнью тишине прорвался *коленкоровый* голос: „Папиросы ира...ра“, но был затоплен цыканьем: „Чщщ чщщ, ц...“.

Что это за коленкоровый голос? Суконный язык есть, это верно. И, видимо, автор даже с ним хорошо знаком: он часто употребляет его и дальше.

ВЗБЕСИВШАЯСЯ ГРАММАТИКА

Ленинград наводняют собаки, страдающие водобоязнью. Принимаются меры.

Вот что пишет о правилах содержания еще не взбесившихся собак, в целях их предохранения от заразы, „Красная Газета“:

Гражданам *воспрещается* выводить собак на улицу *не иначе как на привязи*.

Другими словами,—воспрещается выводить на привязи.

Голубчики! Как это понять человеку, не страдающему водобоязнью, т. е. пьющему простой чай, а не пиво?!

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Та же газета ведет ударную подписную кампанию, пересыпая текст такими стишками:

Не целуй меня, не тискай,
Мне-ка ноне недосуг:
Из месткома лист с подпиской
В брошюровочну несут!
„*Красная*—прекрасная,
Подписать согласна я...

Правильно! Ничего не скажешь—сперва дай подписаться, а потом это самое... тискай.

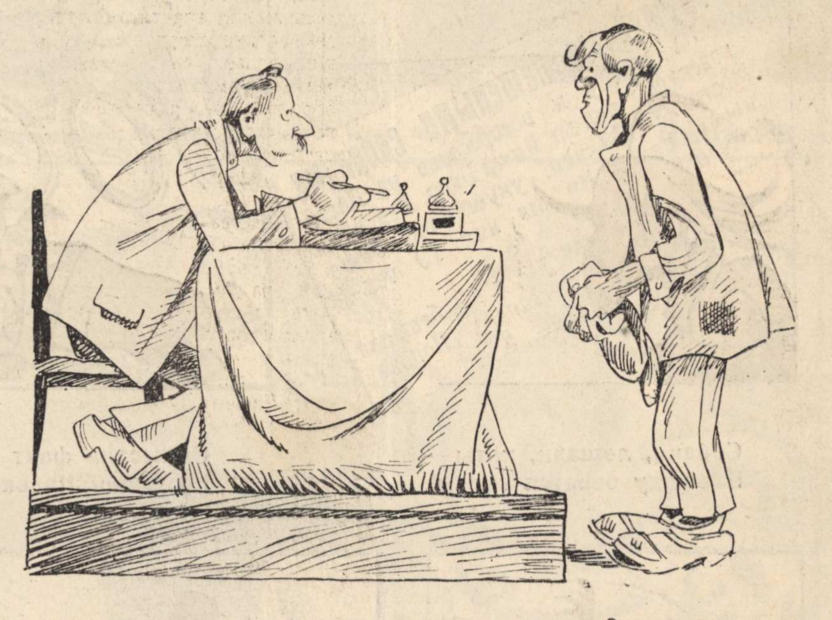
А то можем предложить за недорогую плату такие стишонки:

Не мешай иттить к уборной,
К ватеру-клозету.
Лучше-б ты, милёнок вздорный,
Выписал газету...
И т. д.

„ТРУДЯЩИЙ“ ЭЛЕМЕНТ

В пос. Лианозово (под Москвой) группа заключенных в Исправдоме по ночам выходила на „работу“, возвращаясь затем в дом заключения.

Рис. Б. А.

— Так вы из исправдома шли на кражи?

— Гражданин судья,—сами посудите! Мы, так сказать, чтобы квалификацию не потерять и от производства не оторваться.

ПО СУЩЕСТВУ

— Чего ж это у вас на заводе профработники в почтарскую форму обрядились?

— А как же: марки у нас в ходу, конвертная система введена и, вобче, деньги мы здорово переводить умеем!

НЕ ПОНЯЛ

— Вы что любите из Горького?

— Почти все! И „Эриванскую“ люблю, и „Украинку“ люблю, и „Русскую“ одобряю...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Чарджуй, Е К. Надькин каким-то образом умудрился попасть в ваши стихи:

Как-то в день один базарный
Нарядился, как пожарный,
Ходит Надькин по базару
Удивляется разгару.
Евлампий медленно идет
И тихо песенку поет.
Вдруг пред его ногами
Лежит кошелек с деньгами...

Это внеочередное приключение—„*Надькин в плохих стихах*“—будет, для него самым тяжелым воспоминанием из всей его легкомысленной жизни.

Чита. Старому Ежу. Вы пишете:

„Поезд, руководимый умелой рукой, плавно, *как вальсирующая пара*, несется вперед, оставляя за собой лишь клубы желтовато-серого дыма, разбива...“.

Дорогой, обождите... А вы думаете, это похвала для поезда, что он вертится, как танцоры, да еще оставляя клубы желтовато-серого дыма? Где видали вы таких дымных танцоров? Чтобы оттенить плавность, написали бы лучше:

„Несется, как курица на яйцах“.

И спокойно, и без дыма.

Иланская, И. К-ову.

„Прощай, прощай, меня сгубивша,
Я удираю от тебя.
И был ответ короток, колок:
„Ну что-ж—плати пятерку завсегда“.

Избавиться от губящей вас Музы гораздо легче: просто бросьте писать стихи, без всякой „пятерки завсегда“.

Мерв, Азиату. Псевдоним у вас хорош, но уже использован в „Смехаче“; стихи не использованы, но, к сожалению, плохи. Факт поместим в отделе „40 лош. и 8 чел.“

Ив. Пр.

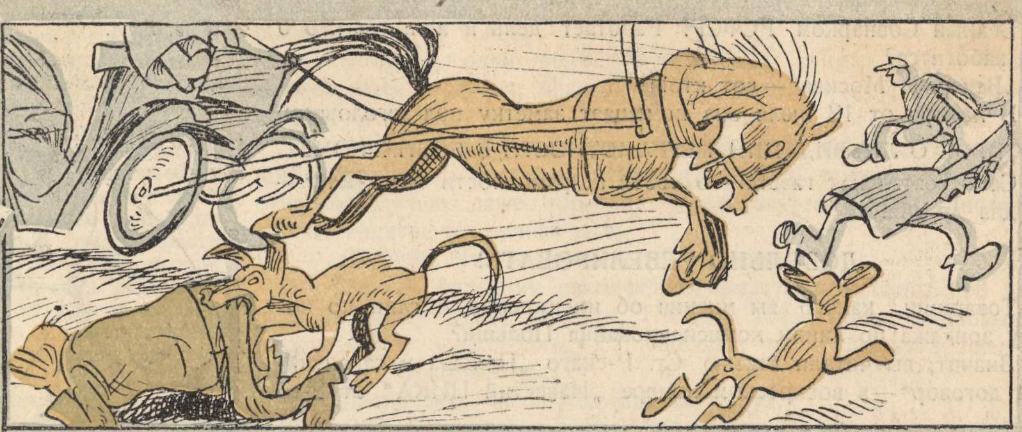
Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит. № 15.564. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН И ЭПИДЕМИЯ БЕШЕНСТВА

Текст А. д'Актиля *Рис. Б. Антоновского*

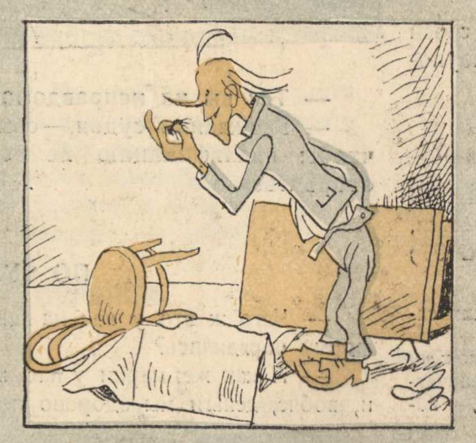

Собаки, лошади, коты—
Повсюду бесятся скоты!

Осмыслив факт со всех сторон,
Евлампий Надькин удручен.

Конечно, сам-то он не трус ..

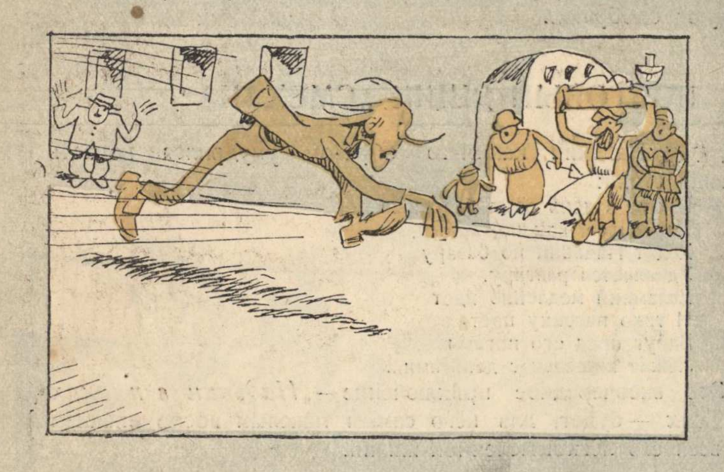

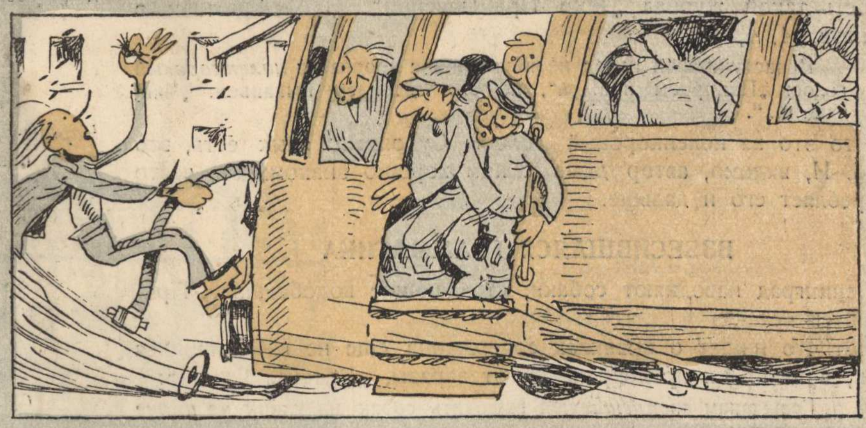

Но вдруг—укус!
Укус? Укус!

В минуту поймана блоха.
Ну, это—вздор и чепуха!

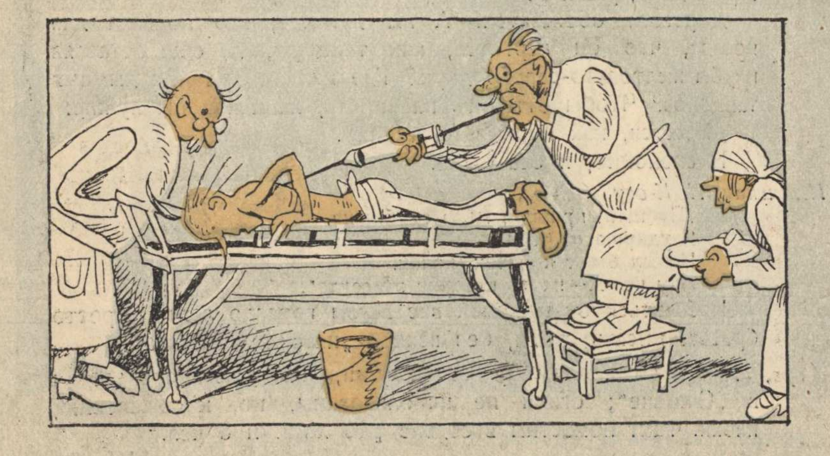
Вдруг Надькин стал стены бледней:
— Что... если... бешенство... и в ней?

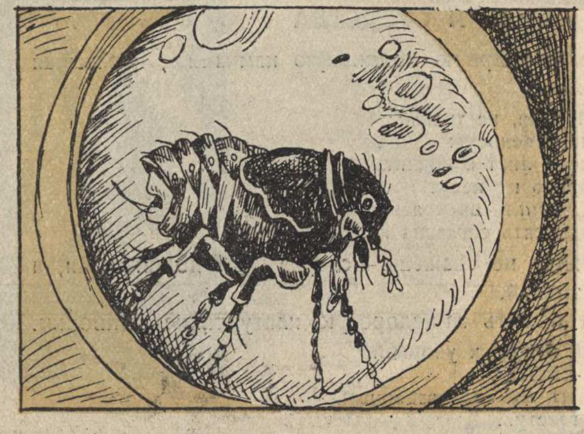

Сомненья жгут! Что делать тут?

К врачу! В больницу! В институт!

В него впускается стремглав
Противобешеный состав,
Виновнице-ж отсрочив казнь,

Чтоб выяснить водобоязнь,
Ученые, наморщив лоб,
Кладут блоху под микроскоп

Сказало истину
Стекло...
Ф-фу! Все в порядке!
Отлегло!